

МАТЭРЫЯЛЫ ПА АРХЕАЛОГІІ БЕЛАРУСІ

MATERIALS ON THE ARCHAEOLOGY OF BELARUS

Зборнік навуковых артыкулаў
Заснаваны ў 1957 годзе

Выпуск 30

Даследаванне беларускіх старажытнасцей

Research of Belarusian antiquities

П. М. Кенько, Институт истории НАН Беларуси, отдел сохранения и использования археологического наследия, научный сотрудник (г. Минск, Беларусь);

С. Д. Дернович, Институт истории НАН Беларуси, отдела археологии средних веков и Нового времени, научный сотрудник (г. Минск, Беларусь)

Культурно-хронологический аспект в изучении деталей костюма из коллекции археологического комплекса Кордон

Коллекция артефактов, полученных в ходе изучения археологического комплекса Кордон в 2015–2018 гг., позволяет выделить серию украшений и деталей костюма, отражающих характер и динамику культурных традиций в Белорусском Подвинье в эпоху Средневековья.

Среди материалов, относящихся к первоначальному этапу функционирования памятника, выделяется компактная группа украшений из свинцово-оловянных сплавов (рис. 1; 2: 1). Стратиграфически они связаны с предматериковыми голубоватыми глеевыми отложениями с вкраплениями серого суглинка, золы и мелких угольков. Все предметы отличаются мелкими размерами, а также плохой сохранностью и хрупкостью. Следы серо-зеленого налета осложняют выявление орнаментальных и конструктивных особенностей. Их атрибуция и интерпретация затруднены из-за недостаточной разработанности источниковедческой базы и отсутствия собственной позиции в классификационных схемах. Тем не менее набор артефактов характеризуется сплошной плоскостной основой с композицией из полусферических выпуклостей по краю контура на лицевой поверхности. На тыльной гладкой стороне отсутствуют следы какого-либо декорирования. Наиболее близкие параллели изделия находят среди украшений Подунавья, где они являлись составной частью материальной культуры середины–второй половины I тысячелетия н. э. Вероятно, контакты со среднеевропейскими территориями обусловили их поступление в Белорусское Подвинье [55, с. 66]. Форма и размер артефактов сопоставимы с аналогичными древностями, выявленными на городищах Вежки Дубровенского района Витебской области и Горы Горецкого района Могилевской области (левобережье Верхнего Поднепровья), а также в составе кладов VI–VII вв. [20; 37; 7, с. 12, рис. 23: 22]. В то же время выделенные морфологические особенности, главным образом форма и размер артефактов, сопоставимы с развитием подобных древностей в междуречье Днепра и Двины, а также в Прибалтике и в северо-западных районах России, вплоть до третьей четверти I тысячелетия н. э. – начала II тысячелетия н. э. [50, с. 141–142].

Несмотря на то что коллекция археологического комплекса Кордон демонстрирует сочетание различных культурных традиций, основное место принадлежит вещам, связанным с локальным кругом древностей в период активного функционирования памятника в середине IX – первой половине XI в.

Как элементы местного костюма можно рассматривать бронзовые ромбовидные привески, орнаментированные двойным линейным ободком (рис. 2: 10–14), аналогии которым присутствуют на таких памятниках культуры смоленско-полоцких длинных курганов, как Заозерье, Шугайлово и Бирули [45, с. 45, рис. 9: 10, 18; 11: 23–27; 17, с. 23, рис. 46: 8]. Данная категория украшений может быть дополнена серией бронзовых трапециевидных подвесок и их фрагментов (рис. 2: 16–23), которые получают широкое распространение в регионе в VIII–XI вв. [31, с. 52, мал. 35: 11; 48, с. 37, мал. 24: 1; с. 46, мал. 31: 1–4; с. 47, мал. 35: 5, 6, 20, 23; с. 103, мал. 65: 28; 17, с. 24, рис. 46: 6, 7] и деталями шейных гривен с конусовидными окончаниями (рис. 3: 1, 2) [31, с. 77, мал. 41: 2; мал. 106: 2; 17, с. 23, рис. 45: 12].

На селищах Илово и Кордон представлена целая серия бронзовых трехдырчатых цепедержателей (4 целых, 3 фрагмента, 1 заготовка) (рис. 2: 6–10). Подобные артефакты также широко встречаются в погребальных комплексах культуры смоленско-полоцких длинных курганов: Устье, Погоща, Вышадки, Борки, Окатова, Бирули [31, с. 73, мал. 29: 3; с. 189, мал. 35: 4; 48, с. 36, мал. 24: 1; с. 46–47, мал. 30: 2, 3; с. 54, мал. 35: 22; 17, с. 24, рис. 46: 9, 10]. Известны они и в древностях латгалов X–XI вв. [56, р. 82, att. 29: 7].

В культурно-хронологическом аспекте к данной группе могут быть отнесены бронзовые 14-гранные бусины, орнаментированные циркульным орнаментом на боковых гранях (рис. 3: 16, 17). Подобные изделия, датированные X – первой половиной XI в., встречаются в погребальном инвентаре памятников культуры смоленско-полоцких длинных курганов [48, с. 96, мал. 11: 12; 17, с. 21, рис. 43: 7; с. 24, рис. 46: 12; 15, с. 13, рис. 9: 19, 20; 16, с. 26, рис. 45: 2–5].

Вероятно, контакты со среднеевропейскими территориями обусловили находку на поселении

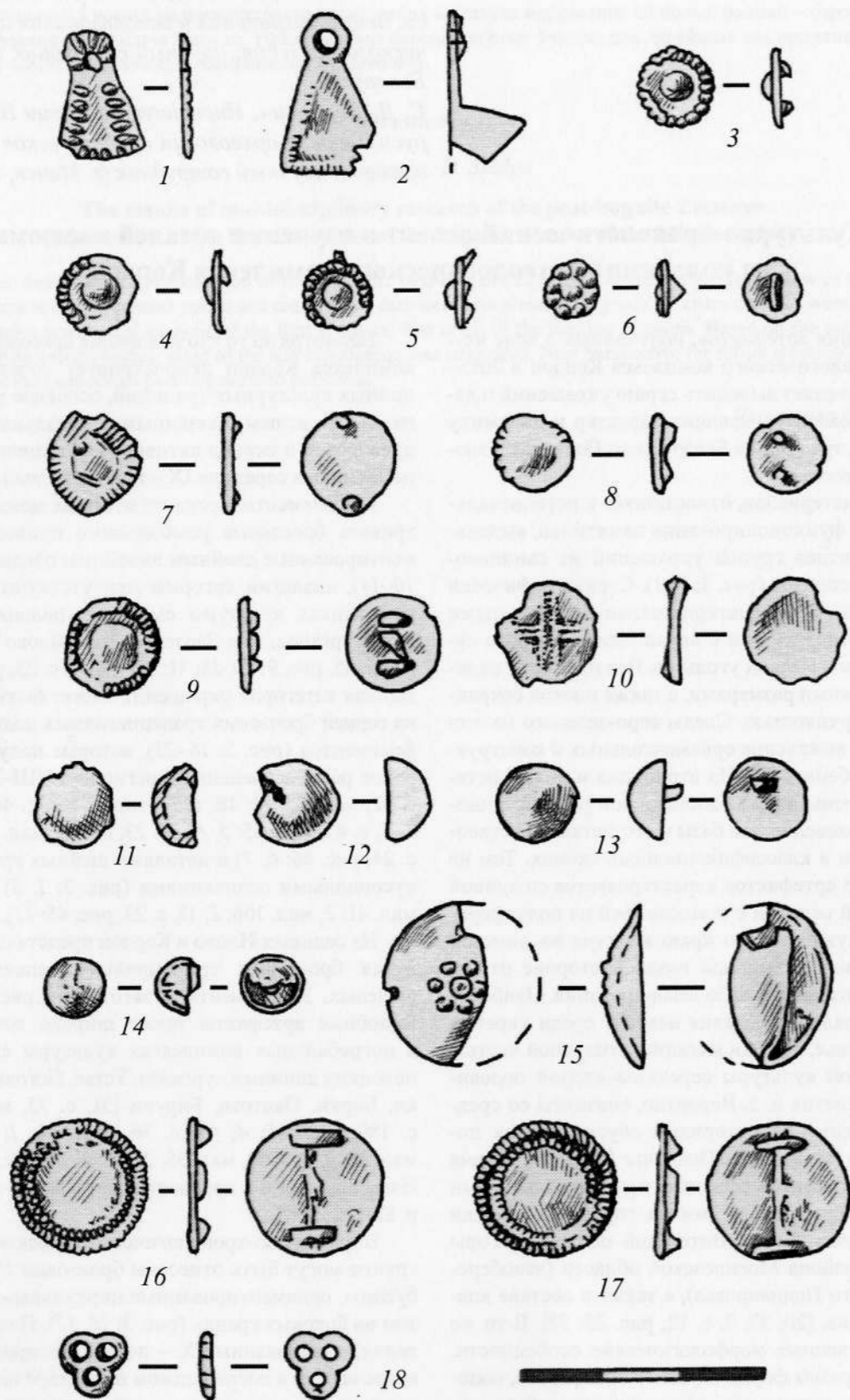

Рис. 1. Украшения из свинцово-оловянистых сплавов (1-18). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

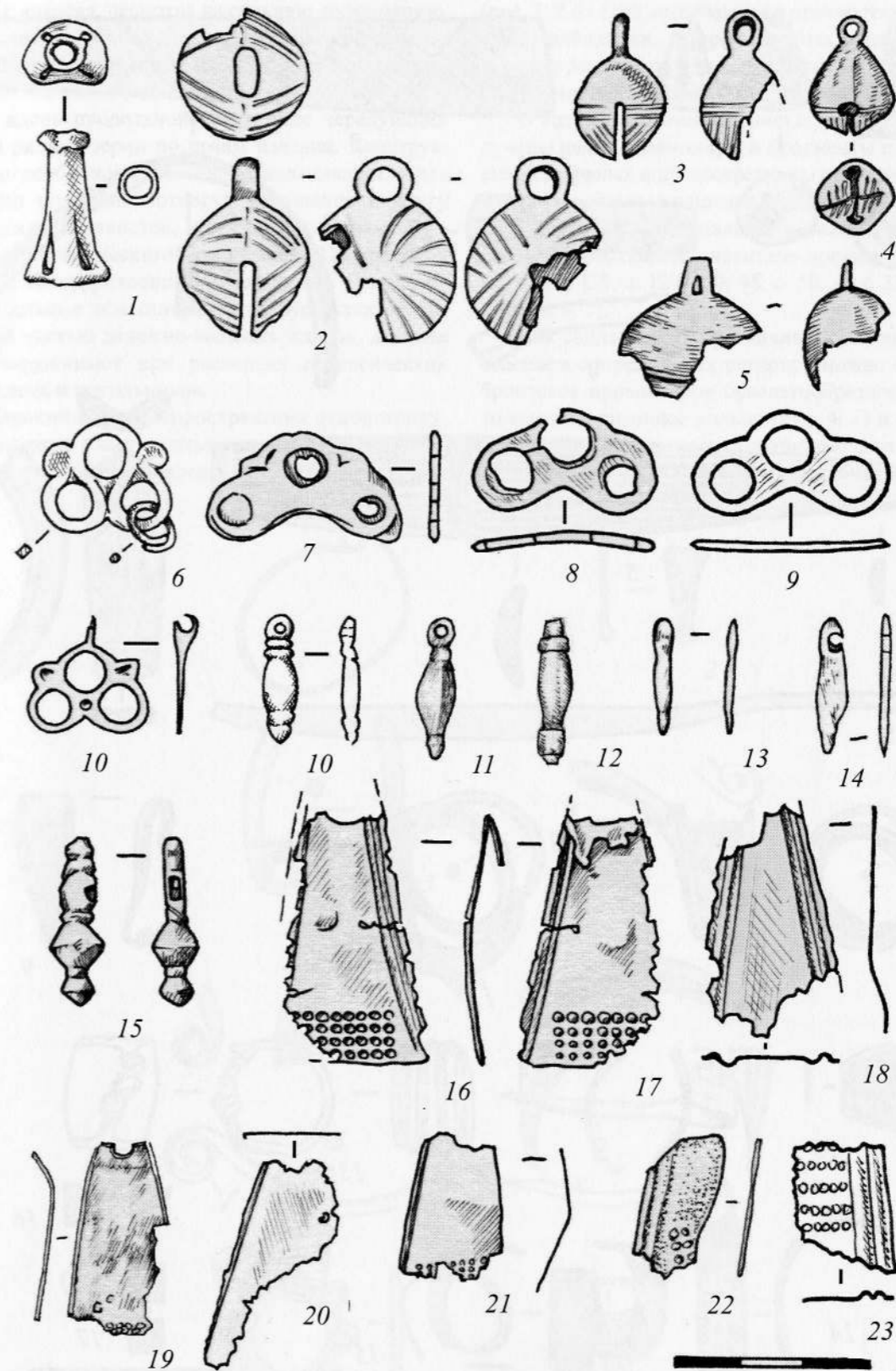

Рис. 2. Детали костюма культуры смоленско-полоцких длинных курганов и сопредельных регионов (1-23). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

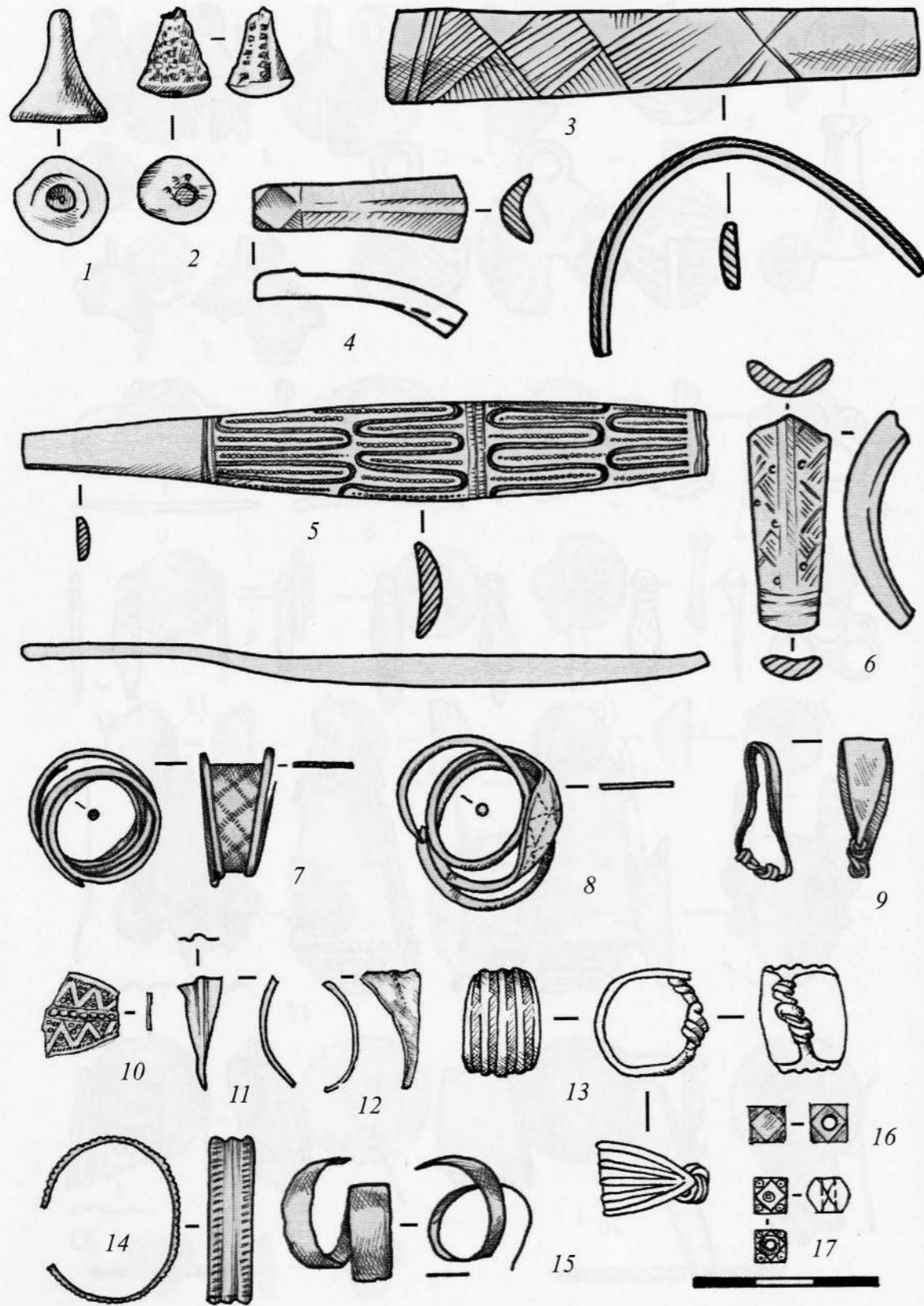

Рис. 3. Североевропейские и балтские украшения (1-17). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

бусины, которая, несмотря на сильную деформацию, сохранила объемное решение корпуса. При рассмотрении орнаментальной схемы артефакта отмечается стройная композиция в виде вертикального членения вдоль продольной оси в виде чередующих поясов рядной зерни по краям изделия. Конструктивные особенности и стилистика декоративных решений позволяют отнести украшение к кругу славянских древностей, и связаны, главным образом, с археологическими комплексами Центральной Европы. На территории Древней Руси и Скандинавии отдельные экземпляры таких бус являются составной частью денежно-вещевых кладов, а также их обнаруживают при раскопках поселенческих комплексов и могильников.

Широкий ареал распространения демонстрируют бронзовые пластинчатые овальнощитковые ушастые перстни, орнаментированные чеканным узором

(рис. 3: 7, 8). Они встречаются в древностях Финляндии, Прибалтики, северо-западных областей Руси, в междуречье Волги и Оки. Датируют такие перстни концом X – XIII в. [38, с. 130].

В ходе исследования селищ Илово и Кордон получены целые экземпляры и фрагменты пластинчатых серебряных широкосердечных перстней (рис. 3: 9-13). Подобные украшения X-XI вв. представлены на территории Скандинавии, в балтских материалах, в погребальном инвентаре древнерусских памятников [38, с. 129-130; 48, с. 50, мал. 33: 4; с. 71, мал. 46: 4, 5].

Как свидетельство устойчивых контактов с населением сопредельных регионов можно связывать бронзовое проволочное браслетообразное завернутоконечное височное кольцо (рис. 4: 1) и фрагмент серебряного семилучевого височного кольца (рис. 4: 2). [4, с. 60, рис. 8: 15; с. 57, рис. 6: 6]. Подобные тенденции

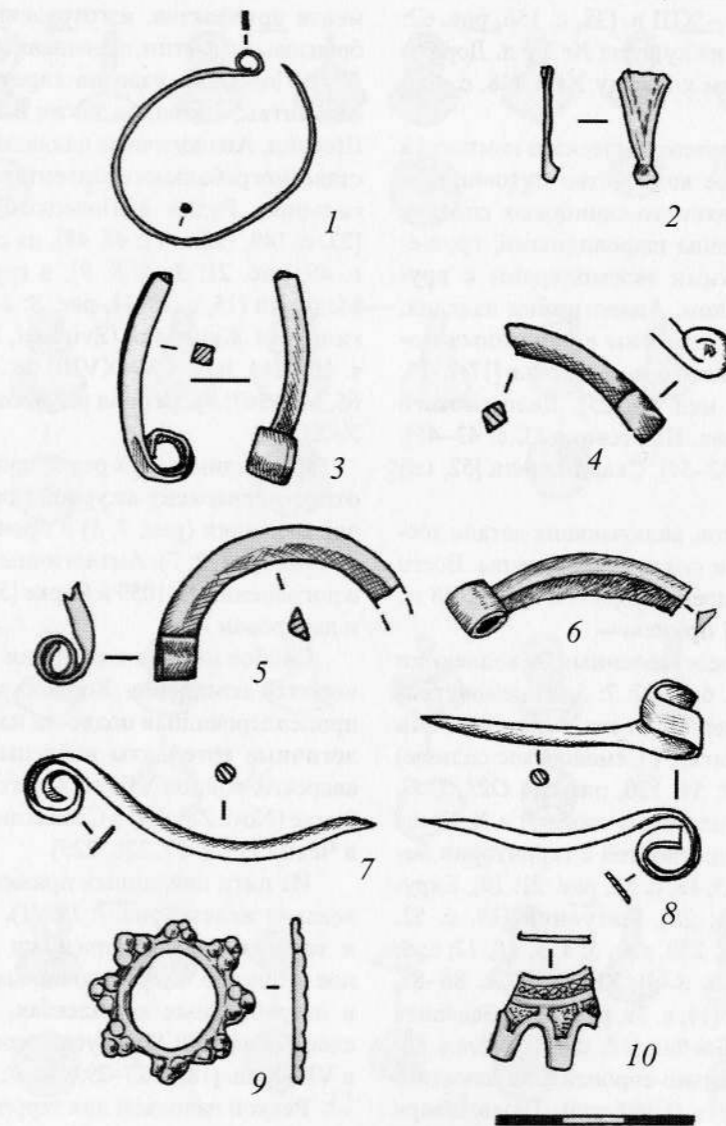

Рис. 4. Украшения населения Белорусского Подвинья и сопредельных регионов (1-10). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

демонстрирует гроздевидная восьмизубцовая кольцевидная фибула с крупной ложной зернью (рис. 4: 9). Аналогичные украшения известны в курганных могильниках Власовичи, Нисимковичи, Пеклино, Радомль и датированы X–XII вв. [4, с. 79, рис. 18: 7]. К этой же группе принадлежит и фрагмент бронзовой лучистой фибулы XI–XII вв. (рис. 4: 10), аналогии которой найдены в курганных могильниках Пильня, Старая Рудня, Попова Гора [4, с. 79, рис. 18: 7].

На селище Илово получены бронзовые бубенчики, относящиеся к широко распространенным типам с крестовидной прорезью и орнаментацией косой насечкой частично или по всей поверхности, датированные серединой X – XI в. (рис. 2: 2), (рис. 2: 3, 4) [38, с. 156, рис. 62: 1–5]. В отличие от них на одном деформированном экземпляре сохранилась линейная прорезь и тройной рельефный пояс (рис. 2: 5). В Новгороде аналогичные бубенчики датированы серединой XI – XIII в. [38, с. 156, рис. 62: 6, 7]. Подобное изделие из кургана № 2 у д. Дорохи отнесено Г. В. Штыховым к началу XI в. [48, с. 133, мал. 70: 1].

В культурном слое археологического комплекса Кордон найдено большое количество пуговиц, отлитых из бронзы и оловянисто-свинцовых сплавов (рис. 5). Они представлены шаровидными, грушевидными и биконическими экземплярами с круглым или овальным ушком. Аналогичные изделия, датированные X–XI вв., известны в курганных могильниках Днепро-Двинского междуречья [17, с. 23, рис. 46: 1–3; 48, с. 103, мал. 65: 25], Днепровского Правобережья, Чернигова, Шестовице [3, с. 43–45]; Гнездово [40, табл. III: 52–54], Скандинавии [52, taf. 93: 3–7, 19].

Коллекцию артефактов, включающих детали костюма, дополняют детали поясной гарнитуры. Всего на археологическом комплексе Кордон в 2015–2018 гг. найдено 35 накладок и 5 пряжек.

Большинство из представленных в коллекции поясных накладок (рис. 6: 1–22; 7: 5, 6) демонстрируют почти полную идентичность с материалами Прикамья (Аниково, Болгар, I Семеновское селище) [28, с. 35, 111, рис. 41: 4; 54, 120, рис. 79: O2I, 1, 2]. Ареал распространения подобных изделий в X–XI вв. весьма широк и кроме древностей с территории Беларуси (Замощье [39, с. 5; 18, с. 52, рис. 21: 19], Бирули II [18, с. 53, рис. 21: 28], Витуничи [19, с. 52, рис. 21: 22], Мохов [25, с. 250, рис. 5: 4, 6, 10, 12; 6: 2, 4, 13–15; 26, с. 205, рис. 3: 3–6], Хомск [33, с. 86–87, рис. 55: 4, 5], Гольшаны [14, с. 39, рис. 8: 7], Заславль [10, с. 69, рис. 51: B 8], Бовбли [12, с. 45, 53, мал. 80: 26] он включает центрально-европейские памятники в Венгрии (Уйфехерто (Újfőherő), Тисавашвари (Tiszavasvári-Nagy), Тужер (Tuzsér) [58, р. 206–207, fig. 1; р. 200–201, fig. 1; р. 204–205, fig. 5]; Польше (Пшемысль (Przemysł) [58, р. 442, fig. 2] и Болгарии

(Велики Преслав) [6, с. 248, табл. 2: 21]. Аналогичные артефакты также известны в коллекциях Киева [11, рис. 13: 3], Гнездово [40, табл. II: 5; III: 19, 25]; Торопца, Тимерево [28, с. 32; 109, рис. 36: 2A–2]; Мнино II [2, с. 87, рис. 76: 13]; Залаховья [42, с. 91, табл. XXI: 1], и в составе инвентаря погребальных памятников Латвии (Люцинский могильник) [56, att. 69: 13; 69: 2], Скандинавии (Бирка) [52, taf. 91: 2, 5; 91: 3], Готланда [65, taf. 139: 12, a–e].

Четыре бронзовые накладки, инкрустированные серебром, (рис. 6: 23–26) были изготовлены в Чернигово-Киевском ремесленном центре в X–XI вв. и имеют большое количество аналогий в древнерусских памятниках: Гнездово, Тимерево, Шестовица, Киев, Старая Ладога [40, табл. III: 38, 39; 3, с. 48, табл. XXV: 1, 2; 24, с. 29, рис. 11; 28, с. 48, 117, 118, рис. 68: 1M].

На городище и селище Кордон найдено три фрагмента артефактов, изготовленных из двух тонких бронзовых пластин, скрепленных заклепками (рис. 7: 2–4). Подобные изделия характерны для памятников Литвы, Латвии, а также известны в материалах Швеции. Аналогичные накладки представлены в составе погребального инвентаря кургана № 10 могильника Рудня в Полоцко-Витебском Подвинье [23, с. 189, табл. VI: 47, 48], на селище Бирули II [18, с. 49, рис. 21: 3, 4, 8, 9], в грунтовом могильнике Медники [15, с. 10, 11, рис. 8: 2–8]; в курганном могильнике Жвирбляй (Žvirbliai, Вильнюс, Литва) [59, s. 112–114, tabl. LXXXVIII: 18, 19], на Готланде [64; 65, abb. 367: 4]. Период их бытования приходится на X–XI вв.

К скандинавской ремесленной традиции можно отнести фрагмент ажурной прямоугольной бронзовой накладки (рис. 7: 8) и бронзовый поясной наконечник (рис. 7: 7). Аналогичный наконечник найден в погребении № 1059 в Бирке [52, taf. 86: 6; 53, s. 440] и датирован X в.

Особое место в коллекции находок с археологического комплекса Кордон занимает серебряная пропеллеровидная подвеска на пояс (рис. 7: 9). Аналогичные артефакты найдены в могилах славяно-аварских воинов VIII в.: Аляттян в Венгрии; Нове-Замке (Nové Zámky) в Словакии; Гранична (Hraničná) в Чехии [55, с. 67, 228, 229].

Из пяти найденных пряжек только две изготовлены из железа (рис. 7: 10, 11). Их морфологические и технологические признаки демонстрируют полное сходство с традиционными материалами, как в погребальных комплексах, так и в культурном слое поселений Беларуси и сопредельных регионов в VII–X вв. [18, с. 27–29, рис. 7; 8: 12–14].

Редкой находкой для территории Беларуси является бронзовая пряжка с лировидной рамкой, переходящей в неподвижный прямоугольный щиток (рис. 7: 12). Аналогичные пряжки найдены в воинских

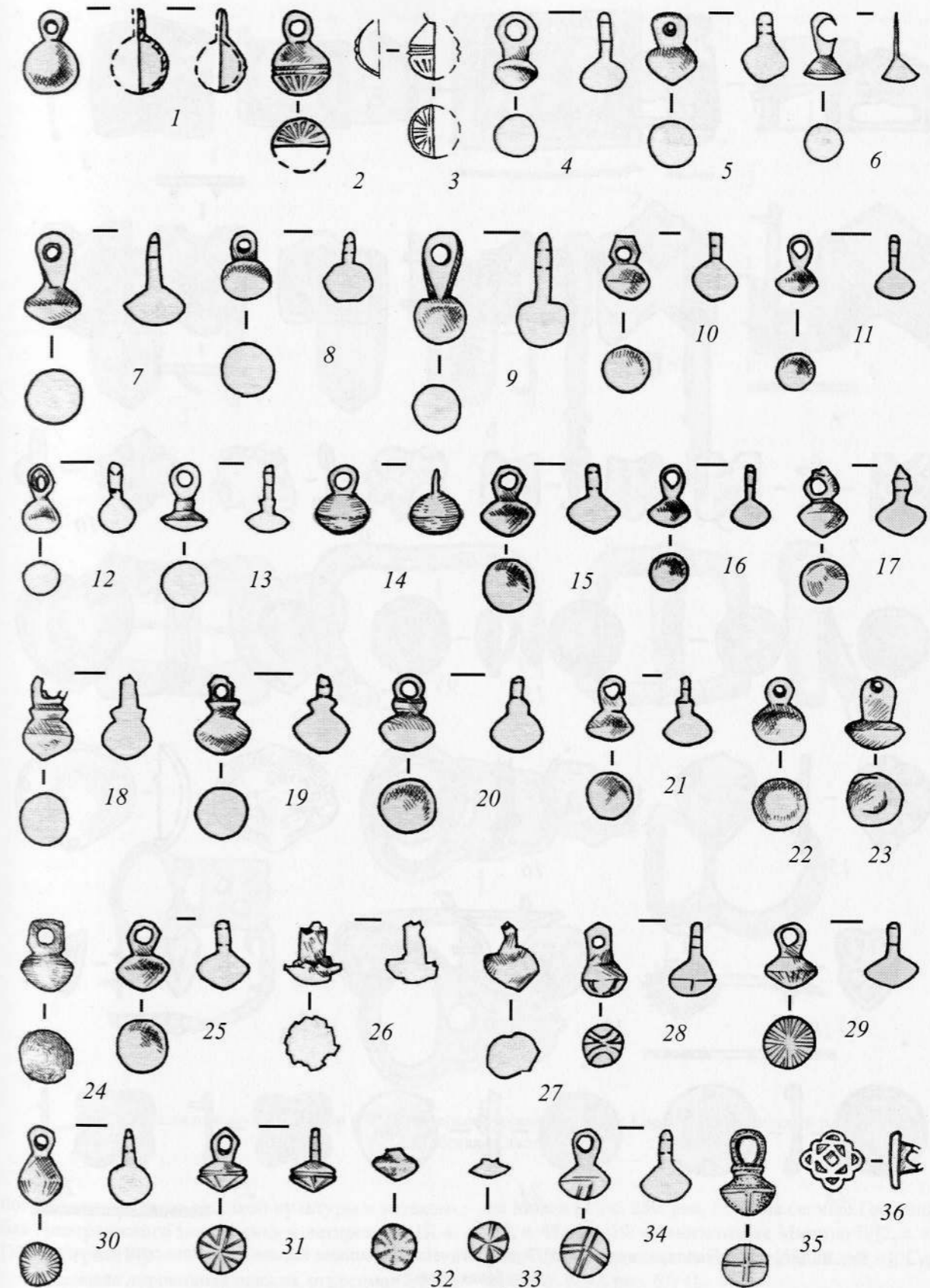

Рис. 5. Пуговицы (1–36). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

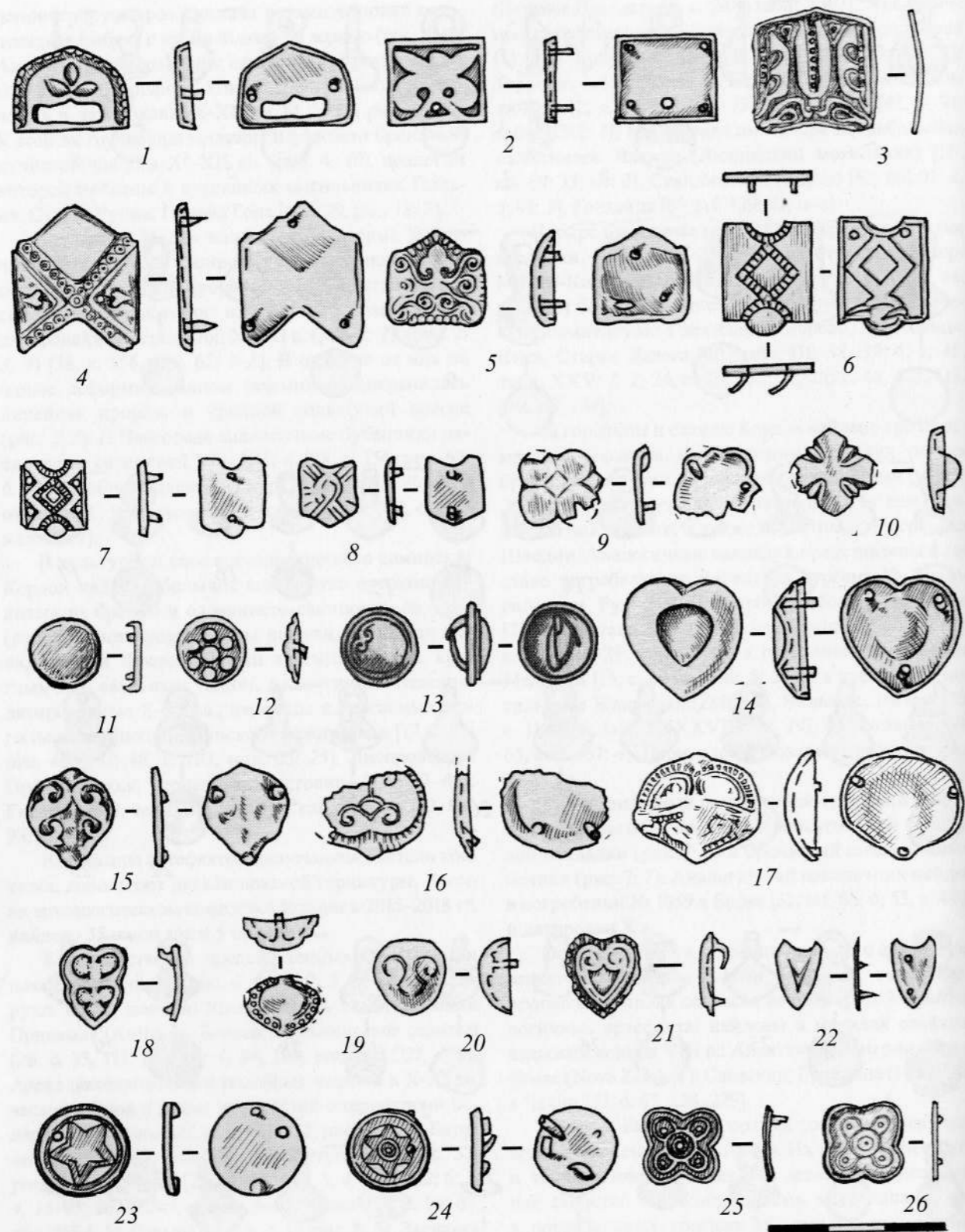

Рис. 6. Детали поясной гарнитуры (1-26). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

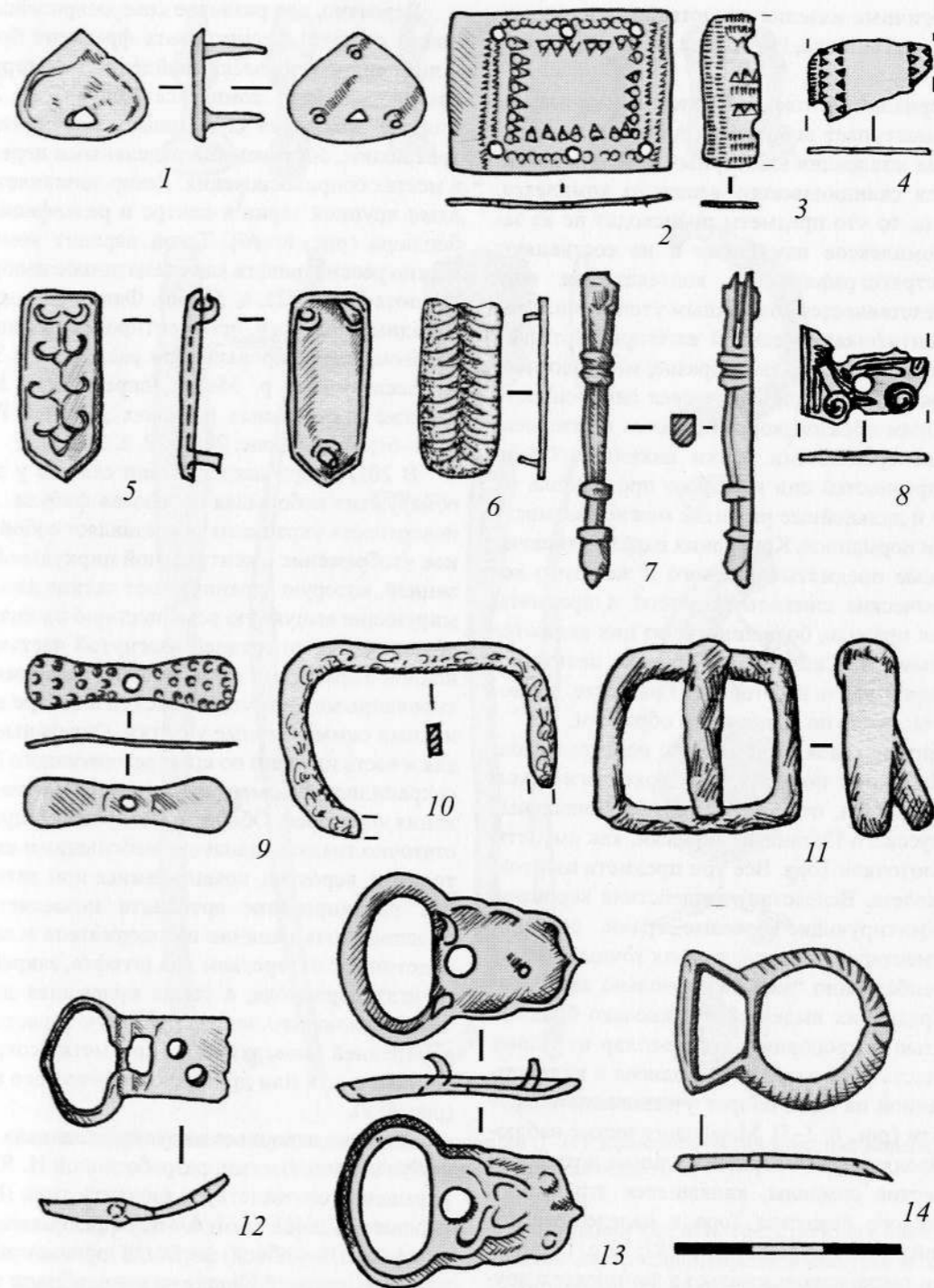

Рис. 7. Детали поясной гарнитуры (1-14). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

погребениях салтово-маяцкой культуры в катакомбах Дмитриевского могильника и датированы IX в. [32, с. 43, рис. 14].

Бронзовая лировидная пряжка, относимая к X в., имеет щиток с вариантом стилизованного изображения маски совы (рис. 7: 13). Практически идентичные пряжки найдены в кургане № 78 могильника

Мохов [25, с. 250, рис. 6: 7]; на селище Городище [18, с. 43, рис. 19: 4]; могильнике Минино II [2, с. 83, рис. 70: 13]; могильнике Люцин [56, атт. 69: 4]; Саркеле [28, с. 47, рис. 67: 1].

Для археологического комплекса Кордон довольно необычной находкой является бронзовая лировидная пряжка, датированная XII-XIII вв. (рис. 7:

14). Аналогичные изделия представлены в коллекциях Минска, Полоцка, Новгорода [18, с. 40; 41, рис. 17: 9–11].

В материалах комплекса Кордон весьма информативной выступает небольшая, но яркая и репрезентативная коллекция ювелирных изделий, характерных для скандинавского вещевого комплекса. Несмотря на то что предметы происходят не из закрытых комплексов памятника и не составляют единый стратиграфический контекст, на наш взгляд, представляется возможным уточнение этнической идентификации данной категории артефактов. Их типологическое своеобразие, морфологическая унификация и хронологическая синхронность определенным образом коррелируются с северо-европейскими традициями эпохи викингов. Среди местных древностей они не имеют прототипов, их появление и дальнейшее развитие можно связывать с приходом норманнов. Круг таких изделий включает отдельные предметы мужского и женского костюма, языческие символы, амулеты и предметы культа. Как правило, большинство из них являются привезенными из Скандинавии, однако нельзя исключать вероятность изготовления на месте, полностью или частично по импортным образцам.

К группе находок, связанных с непосредственным пребыванием норманнов на археологическом комплексе Кордон, относятся и такие уникальные для Белорусского Подвинья привески, как амулеты в виде молоточков Тора. Все три предмета изготовлены из железа. Вследствие воздействия коррозии, детали, имитирующие боковые грани, сохранились фрагментарно, и определить их точный размер и форму собственно «молота» довольно затруднительно. Среди них выделяется несколько большей объемом и пропорциями экземпляр из Илово. Верхняя часть всех изделий выполнена в виде петли, завязанной на один оборот у основания вокруг оси рукояти (рис. 8: 1–3). Морфологические наблюдения позволяют рассматривать данные артефакты как языческие символы, являвшиеся атрибутами скандинавского божества Тора и наделенные его магической силой амулеты [35, с. 287; 29, с. 175–181]. Они могли также использоваться в комплекте с другими украшениями или крепиться к какой-либо основе для усиления защитно-охранных функций. Подобные привески представлены, главным образом, в материалах Центральной Швеции, а также на территории Древней Руси, где датированы IX – концом X – началом XI в. Предполагается, что такие амулеты, из-за своего сакрального статуса, не могут отражать торговые контакты или последствия военной активности, а выступают как индикаторы скандинавского этнического компонента в материальной культуре населения Кордона.

Вероятно, как развитие северо-европейских традиций следует рассматривать фрагмент бронзовой монетовидной подвески, найденной на территории археологического комплекса Кордон. На лицевой стороне артефакта сохранилась орнаментация из трех волют, соединенных отдельными перехватами в местах соприкосновения. Декор дополняется деталями крупной зерни в центре и рельефной линией бордюра (рис. 8: 10). Такой вариант композиции можно рассматривать как схематичное изображение «молота Тора» [22, с. 55–56]. Факты находок монетовидных подвесок, орнаментированных подобным образом, зафиксированы при раскопках в Заславле и поселении на р. Менка (окрестности Минска), а также в отдельных регионах Древней Руси [49, с. 58–61; 47, с. 71, рис. 28: 6; 22, с. 55–57].

В 2017 г. при исследовании селища у д. Илово обнаружена небольшая бронзовая фибула. Лицевая поверхность украшения представляет собой рельефное изображение с центральной циркулярной композицией, которую ограничивают четкие линии, формирующие выпуклую ромбовидную площадку. Она объединяется со средней изогнутой частью, заполненной элементами схематичного плетения, ориентированными на круглый выступ в центре и образующими симметричные участки. Отдельные детали, как и часть идущего по краю декоративного бордюра, сохранились фрагментарно из-за сильного повреждения коррозией. Обратная сторона вогнутая и достаточно гладкая, однако, с небольшими шероховатостями, вероятно, появившимися при литье. Сильное патинирование артефакта позволяет только предположить наличие иглодержателя в виде двух пластинок с отверстием для штифта, закрепляющего иглу держателя, а также приемника для иглы, представляющего собой согнутую пластинку. На внутренней поверхности предмета сохранились остатки ткани или другого органического вещества (рис. 8: 9).

Изделие относится к группе маленьких круглых фибул и по типологии, разработанной И. Янссоном, украшение соответствует варианту типа III E и датировано X в. [61, р. 61, 63–64]. Предполагается, что артефакты подобной формы и орнаментации возникли в Северной Европе на раннем этапе эпохи викингов. Их использовали для скрепления деталей одежды скандинавской женщины на протяжении раннего периода викингов, однако в некоторых регионах Скандинавии и Древней Руси отмечается их более длительное бытование [51, с. 23–25].

Застежка имеет близкие параллели в северо-европейских материалах, особенно из центральных провинций Швеции вокруг оз. Меларен, и среди норвежских древностей [62, р. 114–124; 61, р. 75–83]. В Восточной Европе они представлены как в погребениях, так и в культурном слое поселений, глав-

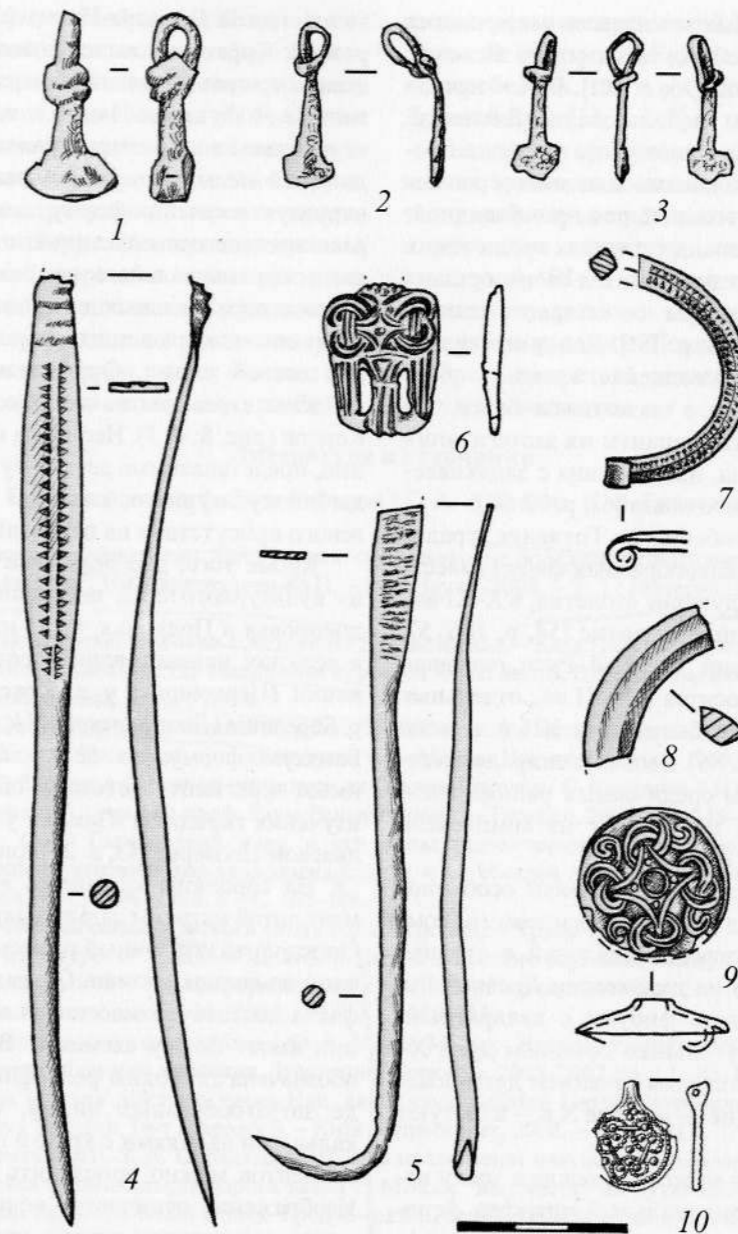

Рис. 8. Северо-европейские украшения эпохи викингов (1–10). Археологический комплекс Кордон. Шумилинский район. Витебская область

ным образом, сосредоточенных вдоль транспортных коммуникаций IX–XI вв. [8, с. 201–202; 51, с. 25]. В сводке подобных изделий, обнаруженных на территории Древней Руси, учтено 28 предметов [8, с. 199–201]. В этом отношении обращает на себя внимание почти полное отсутствие таких экземпляров в древностях восточной Литвы и Латвии. После того, когда подобные украшения выходят из моды и прекращают свое бытование в балтийском регионе, отмечается их исчезновение в материальной культуре Белорусского Подвинья без какого-либо заметного влияния на местные ювелирные традиции. Вероятно, фибула из коллекции археологического комплекса Кордон отражает присутствие выходцев из

Скандинавии как непосредственных носителей элементов северо-европейской культуры и связанных с социальной средой, вовлеченной в формирование и функционирование «пути из варяг в греки».

На археологическом комплексе Кордон найдены фрагменты подковообразных фибул (рис. 8: 7, 8; 4: 4–8). В качестве основы у данных изделий использован дрот четырехугольного, ромбического, шестиугольного и треугольного сечения, окончания которого были расплюснены и свернуты в спираль, при этом ширина спиралей равна поперечному сечению дуги.

На территории сопредельных регионов подобные изделия, изготовленные из бронзы и железа,

в инвентаре погребальных комплексов встречаются уже в IX в., и, начиная с X в., такая форма застежек становится единственной [36, с. 101]. В X – начале XI в. только мужчины использовали массивные подковообразные фибулы, часто богато орнаментированные, с четырехугольными или многогранными головками и шестиугольной, реже ромбовидной, в сечении дугой. В отдельных случаях среди таких артефактов, особенно отличающихся своими размерами, известны экземпляры со спиралевидными окончаниями [46, с. 27; 63, р. 181]. Для этого времени зафиксировано их размещение, главным образом, в области шеи–груди, а также пояса–бедер, что позволяет предположить варианты их застегивания при ношении или плаща, или кафтана с запахищаемым передом, или тканого пояса [63, р. 92–93].

В Скандинавии, особенно на Готланде, традиция использования подковообразных фибул известна уже с IX в., а в последующие столетия, в X–XI вв., они получили дальнейшее развитие [54, р. 106; 57, р. 31–38]. На территории Древней Руси основная масса таких фибул относится к X–XI вв., отдельные экземпляры продолжали бытовать в XII в. и даже в XIII в. [27, с. 153; 38, с. 86]. Большие спиралеконечные застежки известны среди самых ранних гнездовских артефактов и происходят из комплексов первой половины X в. [1, с. 100].

Морфологические и конструктивные особенности фрагментов фибул из археологического комплекса Кордон, рассмотрение аналогий в странах Балтийского региона и на территории Древней Руси, позволяют датировать фибулы с квадратным, ромбическим и шестиугольным сечением дуги X–XI вв. Фибулы с треугольным сечением дуги появляются несколько позднее – в конце X в. – и бытуют до середины XI в.

Североевропейская мужская одежда в эпоху викингов носила интернациональный характер. Атрибутом скандинавского мужского костюма являются и кольцевидные булавки, прототипы которых восходят к ювелирным изделиям Британских островов и не имеют каких-либо параллелей в восточных регионах Балтийского моря [51, с. 27]. Такие застежки, использовавшиеся для скрепления плаща на плече, рассматриваются как конструктивный элемент мужской одежды в норманнской среде. Они достаточно широко представлены как в материалах Норвегии и Швеции IX–X вв., так и памятниках Восточной Европы, где отмечается присутствие выходцев из Скандинавии в X – первой половине XI в. [66, р. 5–14; 8, с. 203–206; 30, с. 227–233]. Отличительной их чертой является наличие овального кольца и специального приемника в виде уступов для узкой перемычки, вследствие чего передвижение иглы застежки вдоль дуги невозможно. Подобные украшения относятся к типу 237 по Я. Петерсену или к типу II по

типологии Л. Тунмарк-Нюлен [62, р. 191, fig. 237; 66, р. 6–7]. Среди них выделяются экземпляры с изысканно орнаментированной верхней частью, объединенные Л. Тунмарк-Нюлен в тип V [66, р. 6]. Конструктивным элементом булавок является наличие длинной иглы, которая по всей длине сохраняет округлую в сечении форму, за исключением плавно расширяющегося пластинчатого основания с деталями орнаментальных композиций, в том числе и в виде параллельных линий из чередующихся треугольников, обращенных вершинами от продольной осевой линии. Фрагменты таких артефактов найдены в раскопе на селище Илово и на селище Кордон (рис. 8: 4, 5). Несмотря на трудности атрибуции, представленные детали булавок отражают следы инокультурного, главным образом, скандинавского присутствия на памятнике.

Кроме того, две подобные булавки происходят из культурного слоя поселений Белорусского Поднепровья и Подвинья. Одна из них зафиксирована в верхних напластованиях селища в урочище Ровинки (Церковище) у д. Красная Зорька в пойме р. Березины (Днепровской) [34, с. 130–138, рис. 17: 2]. Близкую форму, но несколько иные пропорции, имеет фрагмент застежки, обнаруженный в ходе изучения городища «Замок» у д. Прудники в Браславском Поозерье [43, с. 2–7, рис. 20: 4; 44].

На городище комплекса Кордон найден фрагмент литой матрицы ладьевидного браслета (рис. 3: 5). Определить его точный размер невозможно, так как один из концов сломан. Сохранившаяся часть артефакта достаточно массивная и в поперечном сечении имеет форму сегмента. Внешняя поверхность обозначена глубоким рельефным орнаментом в виде зигзагообразных линий, обрамленных вертикальными валиками с краю и в центре. Вокруг этих элементов можно проследить пунктирную линию. Изображение отличается волнообразным характером и отсутствием острых углов. Готовые изделия имеют широкие параллели в Скандинавии, а также встречаются в Финляндии, Прибалтике и на северо-западе Руси в IX–XI вв. [52, р. 449–451, taf. 109: 9; 60, fig. 736, 740; 21, с. 243]. Браслеты с аналогичной орнаментацией найдены в грунтовом могильнике Медники [15, с. 11, рис. 8: 23, 24]; Люцинском могильнике [56, р. 66, 67, att. 23: 1; р. 69, att. 24: 1]; в курганном могильнике Жвирбляй [59, с. 96, 113, tabl. XXXV: 12; с. 114, tabl. LXXXVIII: 15]. К этому кругу древностей относится фрагмент браслета из Витебска [5, с. 119], а также детали украшений из курганов погребений у д. Озерцо (окрестности Минска) и д. Устье (Браславское Поозерье) [48, с. 173–174; 9, с. 212].

Как деталь скандинавского мужского костюма можно рассматривать миниатюрный фрагмент бронзового декоративного крючка для закрепления сво-

бодных окончаний обмоточной ленты вокруг голени (рис. 8: 6). Сохранившаяся часть артефакта представляет собой схематичную отливку пары крыльев и хвоста хищной птицы. Композиция изображения выстроена вдоль условной вертикальной оси и реализована через рельефную орнаментацию наружной поверхности симметричными и переплетающимися элементами в стиле Борре. Расширенная нижняя часть, за счет условных прорезей в виде перемычек, является своеобразным функциональным решением.

Изделие, полученное в ходе исследования археологического комплекса Кордон, имеет близкие параллели в североевропейских материалах, особенно

из центральных провинций Швеции вокруг оз. Меларен. В Восточной Европе они представлены как в погребениях, так и в культурном слое поселений Древней Руси [13, с. 2–7].

Коллекция артефактов, сформированная при раскопках археологического комплекса Кордон, включает украшения, детали костюма, культовые предметы и ремennую garnитуру, относящиеся, преимущественно, к VII–XI вв. Они отражают направления и динамику развития этнокультурных связей населения Белорусского Подвинья, особенно сложных в середине–третьей четверти I тысячелетия н. э. и в эпоху викингов.

Литература и источники

1. Авдусина, С. А. Подковообразные фибулы Гнёздова / С. А. Авдусина, Н. В. Ениосова // Труды ГИМ. – 2001. – Вып. 124. – С. 93–101.
2. Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2008. – Т. 2: Материальная культура и хронология. – 364 с.: ил.
3. Бліфельд, Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці / Д. І. Бліфельд. – Київ: Наукова думка, 1977. – 234 с.
4. Богомольников, В. В. Радимичи: По материалам курганов X–XII вв. / В. В. Богомольников. – Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2004. – 226 с.
5. Бубенька, Т. С. Ювелірныя ўпрыгожанні Віцебска X–XIV стст. (па матэрыялах даследаванняў Ніжняга замка) / Т. С. Бубенька // 3 глыбі вякоў. Наш край: гіст.-культурал. зб. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 1. – С. 110–131.
6. Витлянов, С. Непубликовани коланни гарнитури от Велики Преслав / С. Витлянов // Изследования по Българска средновековна археология: сб. в чест на проф. Рашо Рашев / Фабер. – Търново, 2007. – С. 245–258.
7. Гавритухин, И. О. // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский // Раннеславянский мир археология славян и их соседей / Рос. акад. наук, Ин-т археологии, Курский обл. археолог. музей. – М., 1996. – Вып. 3 – С. 166–178.
8. Дедюхина, В. С. Фибулы скандинавского типа / В. С. Дедюхина // Труды ГИМ. – 1967. – Вып. 43. – С. 191–206.
9. Дернович, С. Д. Междуречье Западной Двины и Дисны в системе торговых коммуникаций эпохи викингов / С. Д. Дернович, Н. А. Плавинский // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. – М., 2004. – Ч. 1. – С. 209–212.
10. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.
11. Івакін, Г. Ю. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. / Г. Ю. Івакін, О. М. Іоаннісія // Дяньслова: зб. праць на пошану дійсного члена Нац. акад. наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя / Нац. акад. наук України, Ін-т археології. – Київ: Корвінпрес, 2008. – С. 191–213.
12. Ільчышын (Харытановіч), З. А. Справаздача № 2 аб правядзенні навуковых археалагічных даследаванняў на аб'екце “Другая кальцевая аўтамабільная дарога вакол г. Мінска” на участку ад аўтамабільнай дарогі М-3 Мінск–Віцебск да аўтамабільнай дарогі М-6/Е28 Мінск–Гродна–мяжа Рэспублікі Польшча. І чарга” (чэрвень 2014 – сакавік 2015) / З. А. Ільчышын (Харытановіч), В. Л. Лакіза // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Оп. 1. – Арх. № 3312.
13. Каинов, С. Ю. Скандинавские наемники на Руси / С. Ю. Каинов // Военная иллюстрация. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 2–7.
14. Кенько, П. Археологические исследования в Гольшанах в 2010–2013 гг. / П. Кенько // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмянны і Ашмянскі рэгіён: зб. навуц. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А. А. Скеп'ян, А. Б. Доўнар; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – С. 21–43.
15. Кенько, П. М. Отчёт об археологических работах в Докшицком районе Витебской области и Ошмянском районе Гродненской области в 2015 г. / П. М. Кенько // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Оп. 1. – Арх. № 3357.
16. Кенько, П. М. Отчёт о раскопках селища возле д. Гольшаны Ошмянского района и могильника Геранены Ивьевского района Гродненской области в 2014 г. / П. М. Кенько // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Оп. 1. – Арх. № 3248.
17. Кенько, П. М. Отчёт о раскопках селища и курганного могильника возле д. Гольшаны и проведении археологических разведок в Ошмянском районе Гродненской области и в Докшицком районе Витебской области в 2010 г. / П. М. Кенько // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Оп. 1. – Арх. № 2823.
18. Кенько, П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников / П. М. Кенько. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 172 с.
19. Кенько, П. М. Разведки на юге Витебской области / П. М. Кенько // ГАЗ. – Минск, 2007. – Вып. 23. – С. 233–235.
20. Колосовский, Ю. В. Археологическое исследование городища и селища около деревни Вежки Дубровенского района Витебской области в 1994–1998 гг. / Ю. В. Колосовский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О. Н. Левко [и др.]; научн. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Минск: Беларуская навука, 2016. – Кн. 2. – С. 5–13.

21. Левашева, В. П. Браслеты / В. П. Левашева // Труды ГИМ. – 1967. – Вып. 43. – С. 207–252.
22. Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры / Ю. М. Лесман // Stratum plus. – 2014. – № 5. – С. 55–56.
23. Ляўданскі, А. Н. Археалёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе / А. Н. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. – Мінск, 1930. – Т. 2, кн. 11 : Працы Археалёгічнай Камісіі. – С. 157–198.
24. Макарова, Т. И. Черное дело Древней Руси / Т. И. Макарова ; Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1986.
25. Макушников, О. А. Исследование средневековых памятников на юго-востоке Гомельщины в 2011 году / О. А. Макушников, А. А. Гусев, А. А. Меркуль, Д. Н. Линденков // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2014. – Вып. 25 : Вынікі даследавання першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2011–2012 гадах. – С. 243–251.
26. Макушников, О. А. Основные итоги исследований восточнославянских памятников на Юго-Востоке Беларуси / О. А. Макушников // МАБ : зб. навук. арт. – Мінск, 2009. – Вып. 17: Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 годзе. – С. 204–211.
27. Мальм, В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы / В. А. Мальм // Труды ГИМ. – 1967. – Вып. 43. – С. 149–190.
28. Мурашева, В. В. Древнерусские ремённые наборные украшения (X–XIII вв.) / В. В. Мурашева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.
29. Новикова, Г. Л. Скандинавские амулеты из Гнездова / Г. Л. Новикова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). – М., 1991. – С. 175–199.
30. Носов, Е. Н. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища / Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская // Восточная Европа в Средневековье. – М., 2004. – С. 227–233.
31. Плавінскі, М. А. Курганная могілнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (матэрыялы раскопак 1978–2000 гадоў) / М. А. Плавінскі, Л. У. Дучыц, А. М. Плавінскі, В. І. Шадыра. – Мінск : Галіяфы, 2014. – 220 с. : іл.
32. Плетнева, С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева ; ред. М. Гринберг. – М. : Мосты культуры, 1979. – 208 с.
33. Поболь, Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь ; ред. Ю. В. Кухаренко. – Минск : Наука и техника, 1979. – 208 с.
34. Побаль, Л. Д. Старажытныя паселішчы на Сярэдняй Бярэзіне / Л. Д. Побаль // Беларускія старажытнасці : матэрыялы канф. па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. – Мінск : Рэд.-выд. савет, 1972. – С. 117–149.
35. Пушкина, Т. А. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения / Т. А. Пушкина // СА. – 1981. – № 3. – С. 285–290.
36. Радиньш, А. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков / А. Радиньш // Archaeologia Lituanica. – Vilnius, 2001. – № 2. – Р. 65–117.
37. Седин, А. А. Никодимовское городище раннего средневековья в Восточной Белоруссии / А. А. Седин // Этногенез и этнокультурные контакты славян : тр. VI Междунар. конгр. славян. археологии. – М., 1997. – Т. 3. – С. 287–288.
38. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М. : Наука, 1981. – 198 с.
39. Сергеева, З. М. Отчет об археологических работах в Витебской области в 1972 г. / З. М. Сергеева // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. – Арх. № 414, 414а.
40. Сизов, В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска / В. И. Сизов // Материалы по археологии России. – СПб., 1902. – № 28. – 136 с.
41. Стасюк, И. В. Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л. К. Ивановского) / И. В. Стасюк // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран : в 2 т. / под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. – М. : Из-во Ломоносовъ, 2010. – Т. 2. – С. 397–409.
42. Хвоцинская, Н. В. Металлические детали пояса / Н. В. Хвоцинская // Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтове). – СПб., 2004. – С. 91–93. – (Российская академия наук, Ин-т истории материальной культуры. Труды. Т. VI).
43. Шадыро, В. И. Отчет о полевых исследованиях в Миорском и Городокском районах Витебской области в 1991 г. / В. И. Шадыро // ЦНА НАН Беларуси. – Минск, 1992. – Д. № 1352.
44. Шадыро, В. И. Раскопки городища «Замок» близ д. Прудники Миорского района в 1983 г. / В. И. Шадыро // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 833.
45. Шмидт, Е. А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных) / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2012. – 168 с.
46. Шноре, Э. Д. Нукшинский могильник / Э. Д. Шноре // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. – Рига, 1957. – Вып. I. – 145 с.
47. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли / Г. В. Штыхов. – Минск, 1978. – 160 с.
48. Штыхаў, Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
49. Штыхов, Г. В. Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 году / Г. В. Штыхов // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. – Арх. № 349. – С. 58–61.
50. Щеглова, О. А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы / О. А. Щеглова // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. – СПб., 2002. – С. 134–150.
51. Янссон, И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища / И. Янссон // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. – М., 1999. – С. 18–38.

52. Arbman, H. Birka I: Die Gräber (Tafeln) / H. Arbman. – Uppsala : Kungl. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien, 1940. – 282 taf.
53. Arbman, H. Birka I: Die Gräber (Text) / H. Arbman. – Uppsala : Kungl. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien, 1943. – 529 p.
54. Carlsson, A. Vikingatida ringspännen från Gotland / A. Carlsson // Stockholm Studies in Archaeology. – Stockholm, 1988. – № 8. – 275 p.
55. Chropovský, B. Slovensko na úsvite dejín. / Bohuslav Chropovský. – Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1970. – 260 s.
56. Ciglis, J. Ludzas odukalna kapulauka katalcs, latwijas vēstures musejs / J. Ciglis, A. Rādiņš. – Rīga : Latvijas vēstures muzejs, 2002. – 250 p.
57. Graham-Campbell, J. Western influences on penannular brooches and ringed pins / J. Graham-Campbell // Birka II : 1 Systematische Analysen der Gräberfunde. – Stockholm, 1984. – P. 31–38.
58. Fodor, I. The ancient hungarians / I. Fodor, L. Révész, M. Wolf, I. M. Nepper // Exhibition catalogue. – Budapest : Hungarian national museum, 1996. – 478 p.
59. Iwanowska, G. Cmentarzysko kurhanowe w Zwirblach pod Wilnem Wprowadzenie w problematykę : Katalog / Grazyna Iwanowska. – Warszawa : Drukarnia Janusz Bieszczad, 2006. – 296 s.
60. Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands / E. Kivikoski. – Helsinki, 1973. – Fig. 736, 740.
61. Jansson, I. Grosse Rundspangen / I. Jansson // Birka II : 1 Systematische Analysen der Gräberfunde. – Stockholm, 1984. – P. 75–84.
62. Petersen, J. Vikingetidens Smykker / J. Petersen. – Stavanger, 1928. – 213 p.
63. Rādiņš, A. 10.–13. Gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi / A. Rādiņš. – Rīga, 1999. – 210 p.
64. Thunmark-Nylén, L. Die Wikingerzeits Gotlands I / L. Thunmark-Nylén. – Stockholm : Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. – 396 p.
65. Thunmark-Nylén, L. Die Wikingerzeits Gotlands II / L. Thunmark-Nylén. – Stockholm : Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. – 18 pp. + 316 pl.
66. Thunmark-Nylén L. Ringnadeln / L. Thunmark-Nylén // Birka II : 1 Systematische Analysen der Gräberfunde. – Stockholm, 1984. – P. 5–14.

Рэзюмэ

П. М. Кенько, С. Д. Дзярновіч

Культурна-храналагічны аспект вывучэння элементаў адзення з калекцыі археалагічнага комплексу Кардон

Фарміраванне і развіццё культуры насельніцтва Беларускага Падзвіння абапіраецца на шматкампанентную аснову I–II тысячагоддзяў н. э. Археалагічныя даследаванні даюць уяўленне пра тую важную ролю, якая належыць археалагічнаму комплексу Кардон (размешчаны паміж вёскамі Кардон і Ілава Шумілінскага раёна Віцебскай вобласці). Некаторыя артэфакты і знаходкі антычных манет з'яўляюцца сведчаннямі эканамічнай актыўнасці комплексу, пачынаючы з другой чвэрці I тысячагоддзя н. э. У той жа час група больш позніх упрыгажэнняў, выкананых са сплаваў свінца і волава, сведчыць аб кантактах з Цэнтральнай Еўропай.

Значная калекцыя артэфактаў указвае на пастаяннае функцыянаванне комплексу Кардон ў VIII – пачатку XI ст. Яна была сабрана ў 2015–2018 гг. падчас даследаванняў гарадзішча і адкрытых паселішчаў 1 (в. Кардон) і 2 (в. Ілава). Сярод гэтых матэрыялаў вылучаецца калекцыя ўпрыгажэнняў з каляровых металаў, накладкі на сумку і пояс, якія паходзяць са Скандынавіі, Волжскай Булгарыі і Бліжняга Усходу. Гэтыя ўпрыгажэнні адлюстроўваюць складаную дынаміку развіцця этнічных і культурных сувязей насельніцтва Беларускага Падзвіння ў эпоху вікінгаў.

Summary

P. Kenko, S. Dernovich

Cultural and chronological context of studying of jewellery from collection of the archeological complex of Kordon

Formation and development of the culture of the population of Belarusian Dvina region was evolved on a multi-component basis in the 1st–2nd millennium AD. Archeological investigations present the important role which belongs to the archeological complex of Kordon (the villages of Kordon and Ilovo, Shumilino district, Vitebsk region). Some artefacts of the economic activity and finds of antique coins could be used for pointing, that this complex had been explored since from the second quarter of the 1st millennium AD. At the same time, the stratigraphy of compact group of ornaments of lead and tin alloys, connected with original deposits, were caused by contacts with Central European territories.

The significant collection of the artefacts testifying to constant functioning of the complex of Kordon in the 8th–11th centuries was formed in 2015–2018 after investigations of the hill-fort and open-settlements 1 and 2, including metal-detector diagnostics. Among materials which were collected various ornaments of nonferrous metals, mounts, some belt and bag sets presented Scandinavian, Bulgarian and Middle Eastern origins. These jewellery reflect complicated dynamics of development of ethnical and cultural communications of the population of Belarusian Dvina region in the middle-the third quarter of the 1st millennium AD and in the Viking Age.

Поступила 08.04.2019г.